
РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
Институт восточных рукописей

MONGOLICA-XVIII

Сборник научных статей по монголоведению
посвящается 70-летию юбилею российского ученого-монголоведа,
педагога, дипломата Лидии Григорьевны Скородумовой

St. Petersburg
2017

СОДЕРЖАНИЕ

Лидия Григорьевна Скородумова — творец своей судьбы (<i>И. В. Кульганек</i>)	6
Список научных трудов, публикаций и переводов Л. Г. Скородумовой.	10
Поздравления друзей и коллег	17
ИСТОРИОГРАФИЯ, ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ	
А. И. Андреев. Материалы об экспедиционной деятельности П. К. Козлова в архиве Королевского географического общества в Лондоне.	21
Р. М. Валеев. Миссионерское востоковедение в Казани и изучение монгольских народов (XIX—начало XX в.)	30
И. В. Ерофеева. Буддийские монастыри ойратов в Семиречье (середина XVII—середина XIX в.)	35
А. В. Попов. Монгольский официальный документ XIX в. о наемных работниках на цинских казенных пашнях	49
ФИЛОЛОГИЯ: ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ, ФОЛЬКЛОРИСТИКА, ЛИНГВИСТИКА	
Л. С. Дампилова. Шаманские материалы в фондах Центра восточных рукописей и ксилографов ИМБТ СО РАН	62
А. В. Зорин. Связка тибетских рукописей на русской бумаге XVIII в. из Калмыкии в собрании ИВР РАН	67
И. В. Кульганек. К вопросу о монгольских паремиях	75
О. А. Сапожникова. Литературная сказка С. Буяннэмэха.	79
ИЗ АРХИВОВ ВОСТОКОВЕДОВ	
Т. И. Юсупова. «Намечается большая совместная работа с Монголией»: к истории организации Монгольской комиссии СНК СССР	82
РЕЦЕНЗИИ И НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ	
В. Ю. Жуков. Рец. на: «З. К. Касьяненко — Учитель и монголовед: Материалы Междунар. конф., посвящ. 90-летию рос. монголоведа З. К. Касьяненко. 30 сентября—1 октября, 2015 г. Санкт-Петербург» (СПб.; Улан-Батор, 2016)	90
Р. Ю. Почекаев. Рец. на: <i>Дугарова С. Ж.</i> Историография монгольского государства и права (XIII—начало XIX в.): монография. Улан-Удэ: Изд-во Бурятского государственного ун-та, 2016. 332 с.	91
Л. Г. Скородумова. Рец. на: <i>Гомбожавын Мэнд-Ооёо.</i> Шилийн Богд. Роман. Улаанбаатар, 2015. 254 с.	94
Б. Б. Манджиева. III Международная научная конференция «„Джангар“ и эпические традиции тюрко-монгольских народов: проблемы сохранения и исследования» (г. Элиста, 15—16 сентября 2016 г.)	95
ПЕРЕВОДЫ	
Б. Баярсайхан. Наследник (перевод с монг. А. Соловьевой)	98
В. Инжинаш. Палата красных слез. Роман. Глава первая (перевод со старомонг. Л. Скородумовой)	100
Информация об авторах	105

А. В. Попов

Монгольский официальный документ XIX в. о наемных работниках на цинских казенных пашнях

Объектом исследования в данной статье является монгольский официальный документ XIX в. Он представляет собой служебную депешу, в которой описаны малоизвестные особенности функционирования фискальной системы, созданной властями Империи Цин в Северной (Халха) Монголии. Авторы депеши повествуют о средствах, при помощи которых власти монгольских аймаков и хошунов стремились по возможности свести к минимуму степень участия подведомственного им населения в исполнении государственных повинностей. Взамен мобилизации собственных подданных на государственную пахотную службу халхаские князья и чиновники отдавали предпочтение тому, чтобы переложить бремя ее несения на плечи нанятых на стороне работников. Исследуемый документ до сих пор не подвергался изучению и не использовался в качестве источника, хотя и был опубликован Г. Ц. Цыбиковым в сборнике монгольских официальных бумаг, вышедшем в свет в 1898 г. В статье приведен комментированный перевод текста документа на русский язык и уточнено время его составления.

Ключевые слова: Северная Монголия, Империя Цин, административная система, государственные повинности, казенные пашни, плата работникам, несущим государственную пахотную повинность по найму.

Многочисленные подразделения государственного аппарата, созданного в Монголии властями Империи Цин (1644—1911), оставили после себя исключительно богатое эпистолярное наследие. Львиную его долю занимает служебная переписка, содержащая в себе внушительный объем разнообразных сведений об административной, хозяйственной, духовной, социальной жизни монгольского общества, изучением и регулированием которой *ex-officio* занимались цинские чиновники. Впрочем, несмотря на очевидную ценность многочисленных образцов этой официальной корреспонденции как исторических источников, значительная их часть до сих пор несправедливо обделена вниманием исследователей. Причем речь в данном случае идет не только о документах, хранящихся в малоизученных фондах архивов и библиотек, но и о тех казенных депешах и донесениях, которые были опубликованы в изданиях, ставших библиографической редкостью и ныне почти забытых. К числу таких изданий относится несколько сборников монгольских официальных документов цинского периода, вышедших в свет в России в конце XIX—начале XX в. Они предназначались в качестве учебных пособий по курсам практического монгольского языка, которые читались в Санкт-Петербургском университете и Владивостокском Восточном институте профессором А. М. Позднеевым (1851—1920) и его учеником Г. Ц. Цыбиковым (1873—1930) [Позднеев, 1883; Цыбиков, 1907; 1908]. С академической точки зрения, значение этих публикаций далеко выходит за рамки обычного издания

хрестоматийных материалов. Приведенные в них тексты образцов служебной документации во многом уникальны и единичны. При этом они насыщены многочисленными, зачастую малоизвестными сообщениями об административных, судебных, фискальных, имущественных, семейных отношениях в монгольском обществе в середине XVIII—второй половине XIX в.

В качестве объекта для анализа нами выбран один из документов, вошедших в сборник монгольских официальных бумаг из коллекции А. М. Позднеева. Издателем сборника, в который, помимо исследуемого в данной статье документа, вошли рукописные копии еще 31-го служебного распоряжения, донесения и доклада, выступил Г. Ц. Цыбиков [Цыбиков, 1898]. Сборник издан типолитографским способом в 1898 г., включенные в него документы датированы началом, серединой и концом XIX в. Монгольские их тексты переписаны рукой Г. Ц. Цыбикова. Им же на русском языке составлен раздел «Содержание бумаг» [Цыбиков, 1898. С. 76—77], посвященный краткому описанию содержания каждого документа из вошедших в сборник образцов казенной документации. Ниже приведены латинская транслитерация и комментированный перевод на русский язык текста официальной депеши, которая значится под № XXXII в порядковой нумерации, присвоенной издателем сборника всем включенным в него документам. Содержание этого послания дает представление о том, какими разнообразными и порой малоизученными подробностями повседневной

монгольской жизни была насыщена служебная переписка между подразделениями цинского госаппарата, размещенными в Халхе (Северной Монголии).

Несмотря на то что цинские правила документооборота предполагали обязательную датировку всей официальной корреспонденции, исследуемая нами казенная депеша в том виде, в каком ее текст опубликован Г. Ц. Цыбиковым, не содержит никаких указаний на время ее составления. Попытка обнаружить оригинал депеши в архивных фондах Института восточных рукописей РАН в Санкт-Петербурге, где в основном хранится коллекция монгольских официальных документов, собранная А. М. Позднеевым, оказалась безуспешной. Вместе с тем нет никаких оснований сомневаться в том, что при издании образцов монгольской служебной переписки Г. Ц. Цыбиков во всех случаях обеспечил полное совпадение опубликованных им текстов с теми списками, которыми он располагал. Учитывая изложенное, объяснение отсутствию датировки в нашем случае может состоять в том, что список исследуемого документа попал к Цыбикову не в оригинале, а в виде «отпуска» или рукописной копии, сделанной для А. М. Позднеева во время его путешествий по Монголии. В фондах отдела рукописей и документов ИВР РАН находится несколько сборников подобных копий¹. Что касается интересующей нас депеши, то можно предположить, что монгольский переписчик, копировавший ее текст, по каким-то причинам пропустил дату, которая, согласно цинским правилам, должна быть указана под основным текстом. Впрочем, в равной степени правомерно и предположение о том, что конец рукописи был попросту утрачен.

Но при всех отмеченных обстоятельствах вопрос об установлении времени, когда был составлен рассматриваемый в данной статье документ, отнюдь не относится к числу абсолютно нерешаемых. Как явствует из приведенного ниже комментария к переводу текста депеши (примеч. 1, 5 и 8), в ней упомянуты имена халхаских князей, факты биографии которых указывают на то, что исследуемое служебное письмо следует датировать началом 40-х гг. XIX в. К сожалению, иных хронологических маркеров, позволяющих еще более сузить отмеченный нами временной отрезок, в депеше не содержится. Вместе с тем даже такая, пусть и приблизительная, датировка, как нам кажется, никоим образом не лишает этот образец монгольской официальной корреспонденции качества вполне надежного исторического источника. Интересующий нас документ характеризуется именно такими свойствами благодаря тому, что его авторы повествуют о малоизвестных сторонах деятельности фискальных учреждений цинского госаппарата, существовавших в Северной Монголии в первой поло-

вине XIX в. В фокусе этого повествования находится описание средств, при помощи которых власти халхаских аймаков и хошунов стремились по возможности свести к минимуму степень участия подведомственного им населения в исполнении многочисленных государственных повинностей, возложенных властями Империи Цин на Северную Монголию. В частности, исследуемый документ показывает, что взамен мобилизации собственных подданных, например, на государственную пахотную службу халхаские князья и чиновники отдавали предпочтение тому, чтобы переложить фискальное бремя на плечи нанятых на стороне работников. Необходимо заметить, что подобные факты описаны не только в интересующем нас источнике, но и в других официальных документах XIX в., хранящихся в Институте восточных рукописей РАН [sayisiyaltu irügelütü-yin yurbaduyar on. Л. 496], и в монгольских архивах [alba tegsitgesen dangs-a, 1962. С. 5]. В них повторяются сходные по смыслу сообщения, которые свидетельствуют о том, что присутствие в составе контингентов податного населения некоторого количества нанятых за плату исполнителей в XIX в. превратилось в Северной Монголии во вполне обыденную практику. Природу такого рода социальных явлений нельзя считать сколько-нибудь изученной, и в связи с ее интерпретацией возникает целый ряд вопросов. Кем были те довольно многочисленные люди, которые соглашались брать на себя чужие повинности? Какова была плата за несение государственной службы и из каких источников она поступала? Как центральные и региональные власти Империи Цин относились к тому, что монгольские князья и чиновники проявляют очевидную самостоятельность в поисках путей соблюдения «высочайше установленных» фискальных правил? По каким причинам и в каких случаях административные канцелярии халхаских аймаков и хошунов при наборе податных на казенные службы предпочитали иметь дело с наемными работниками, а не с подведомственными им государственным служилыми людьми? Содержание документа, исследуемого в настоящей статье, если и не дает готовых ответов на поставленные вопросы, то, по крайней мере, может способствовать их изучению.

События, которые описаны в интересующем нас официальном послании, разворачивались вокруг государственных пашен, расположенных на западе Внешней Монголии в окрестностях г. Кобдо. Этот город-крепость был основан в 1762 г. вблизи одноименной реки на левом берегу впадавшего в нее притока, именуемого Буянт-гол [Галдан, 2006. С. 239]. Что касается государственных пашен, то целина в этих местах была впервые поднята в 1717 г. Затем, с 1730-х до начала 1760-х гг., во время войн Империи Цин с западномонгольским Джунгарским ханством казенные поля были заброшены. Но с 1762 г. их распашка была возобновлена и продолжалась до 1911 г., т. е. до тех пор, пока Внешняя Монголия не вышла из-под контроля цинских властей

¹ Один из подобных сборников использован в качестве источника при написании данной статьи [sayisiyaltu irügelütü-yin yurbaduyar on], а все прочие подробно описаны в каталоге, составленном Л. С. Пучковским [Пучковский, 1957. С. 175—177].

[Гонгор, 1964. С. 62]. Площадь кобдских пахотных угодий была невелика — при всех многократных изменениях она не превышала 150 га. Вместе с тем приносимый ими урожай не только использовался для текущего продовольственного снабжения цинского военно-административного аппарата во Внешней Монголии, но и пополнял хранившиеся здесь долговременные мобилизационные запасы зерна.

И сам город-крепость Кобдо, являвшийся административным центром одноименного округа, и пашни, снабжавшие провиантом воинские гарнизоны и чиновников, представляли собой стратегически важный элемент всей системы военной и админист-

ративной власти Империи Цин на ее северных границах. В подтверждение сказанному сошлемся на историко-географическое сочинение «Описание Их Хурээ» (庫倫誌), автором которого, по мнению современного исследователя У Фэнпэя, являлся известный китайский ученый и государственный деятель У Тинсе (1854—1947). О Кобдо в этом сочинении сказано как о крепости, обладающей общегосударственным значением. Благодаря ей империя получила оборонительный оплот, необходимый как для прикрытия с запада Их Хурээ и Улясутая, так и для защиты с севера Синьцзяна и Ганьсу [Кулуньчжи, 1990. С. 219].

Транслитерация

//72// Qobdu-yin jisiyan-u kereg-i šitgegči jasag rinčibal nar-un bičig.

tariyan-u čereg-i jakirugči jalan rinčibal-dur ilegebe. yabu ulqu učir. nidonon jil arban saradu sayin noyan ayima -un jisiyan-u kereg-i šitgegči jasag bumdar nar-un ačarača kürgejü iregsen bičig-dür. yabugulqu učir. edüge tusala či jangjun wang-yin jasag-un tama -a-yin kereg-i šitgegči tusala či čoyido -un ačarača kürgejü iregsen bičig-dür. ulamjilan yabu ulqu qari u iregülkü-yi uyun medegülkü učir edüge či ul an-u daru -a tusala či jangjun nar tan-u ačar-ača tušiyar kürčü iregsen bičig-ün dotor-a. jangjun wang-un qoši un-u qoro da san nige ja un düčin nayiman ere-dür u no san učin qoyar erüke-yin alba-i tus ayima -un бүкүи суму ег-е-дү оно улун кубияжу. ене он найман сарайин шинейин ниге-дүр қала улқу-бар то та ажу медегүлкү ябу улқу олан ачар-а ниге адали ябу улжу тушиа сан егүн-дүр байча абабу ману қоши un-du qobdu-yin tariyan-du u no san dangsa alba-yi uul qoši un-ača tatan sa u -a arad güyiced-iyer yada uo bolo san učir-du čöm-i ačo lan keüked degü[ü]ner-ün dolo an yama an-u üne-eče adan-a erüke nigebüri-dü jil tütüm jiran lang mönggö kölösö-yi qobdu-daki pužan-ača abu ad //74// tegüber alban tölögelegülügged-dü ol oju manu qoši nu-ača egüber uliyasutai-daki pužandur öggüdeg bülüge. odo-a qobdu-yin tariyan-ača urban erüke-yi ayima abu san-i u to ta san boljo an-dur no san qoši u qalaju alba küliyegsen boljigem ene jil-ün ačo -yi manu qoši u nigente öggüggen. tula[.] ilegü-

üdekü tabun sarayin ačo -yi tataju manu qoši u egegülün abubasu jokiqu učir бүкүи-йин тұлادا. oldobasu erkim jisiyan-a medegülüged el-e učir-i qobdu-yin jisiyandur ulamjilan yabu ulu ad tariyan-u erüke-eče qala -daju uban erüke-yi to ta san boljo an-dur qala san ba qala san ügei-yi bayiča al an. kerbe qalaju abu san bolbasu ačo abu čid-du erüke nigebüri-yin ilegüüdeggen kölösö qorin tabun lang bügüde dalan tabun lang mönggö-yi ar abasu jokiqu ačar-uud-ača nige mösön šitgen ar a ulju egegülün ol a ulqu-yi medegüljü egün-ü tula ergün ilegebe. kemegsen egün-i qobdu-yin erkim jisiyan-u gung nar tan-dur yabu ulu ad enekü urban erüke tariyan-i alba-ača to ta san boljo an-dur qala san qala san esegsen-i bayiča an. kerbe qalaju //75// abu san bolbasu ačo abu čid-ača ilegüüdeggen kölösö bügüde dalan tabun lang mönggö-yi uul qošiğundur egegülün ol a ulsu ai. egün-ü tula ilegebe. Kemegsen egüni tariyan-u čereg-i jakiru či jalan čebegrašidur yabu ulu ad jangjun wang-un qoči un-u [=qoši un-] tülügeber ačo mönggö abču tariyan-u tabun erüke-yin alba küliyegsen arad-un dotor-ača [=dotor-ača] uul boljo an-dur bürin-e irejü qala san ba ügei. kerbe qala san bolbasu ačoy abču alba küliyegsen arad-un dotor-ača [=dotor-ača] qala da san urban erüke-yin ilegüüdeggen tabun sara-yin kölösö mönggö-yi u medegülüggen to an-u yosu ar buča an abu ulju. ene ča an sara-yin qorin tabun-du manu jisiyan-u ačar-a bičig da u ulun kürgejü iregülüged ulamjilan yabu ulqu-dur sa ad ügei bol asu ai: egün-ü tula ilegebe:

Перевод

Письмо дзасака Ринчинбала¹, исполняющего должность главы департамента государственных служб в Кобдо², и приданных ему в распоряжение прочих чинов.

Настоящим адресуюсь к дзалану³ Цэбэграши, начальствующему над военнообязанными податными, каковые несут пахотную повинность⁴. Причины, коими вызвана необходимость в том, чтобы направить в ваш адрес настоящее служебное отношение, состоят в следующем. В 10-м месяце прошлого года нами была получена депеша из канцелярии дзасака Бумдара⁵, состоящего в должности главы департа-

мента казенных служб Сайннойонханского аймака⁶. В депеше сказано: «Направляю вам данное письмо, руководствуясь нижеследующими обстоятельствами. Нами получен доклад туслагчи⁷ Чойдога, временно исполняющего должность правителя хошуна туслагчи-цзянцзюня ванна⁸. В докладе говорится: „Обращаюсь в подлежащие инстанции с настоящим докладом и с прошением дать на него ответ. Распоряжением, каковое ныне получено нами от их превосходительств старшины сейма и его помощника по военным делам, предписано: между всеми податными мужеска пола, состоящими в данном аймаке,

произвести разверстку казенных повинностей, каковые причитаются к исполнению 32 *податными, обеспеченными собственными хозяйствами*⁹. Названные повинности ранее были возложены на 148 податных, *выбывших из состава населения*¹⁰ хошуна *цзянцзюнь-вана*¹¹. Таковыми правилами надлежит руководствоваться при очередной *смене несущих казенные службы податных, каковая должна быть исполнена к 1-му числу 8-го месяца*¹² сего года. Всем инстанциям, причастным к рассылке уведомлений о настоящем распоряжении и к его исполнению, приказываем в равной степени следовать содержащимся в нем требованиям¹³. При изучении обстоятельств, открывшихся по принятии данного распоряжения к исполнению, выяснилось следующее. Податные люди, каковые, согласно первоначально установленному порядку, были отправлены для несения возложенных на наш хошун пахотных *реестровых повинностей*¹³ в Кобдо, в связи с крайней бедностью пришли в состояние совершенной неспособности к исполнению возложенных на них обязанностей. По сей причине им на замену были наняты работники, кои за плату, равную стоимости 8 голов коз, исполняли на пашнях *сезонные работы*¹⁴. Помимо того наш хошун в *кобдоских торговых лавках*¹⁵ брал займы денежные суммы — *каждому из податных хозяйств по 60 ланов*¹⁶, — предназначенные в порядке ежегодной платы за исполнение пахотной службы. Указанные суммы передавались людям, каковые принимали на себя обязанности по выполнению работ на казенных полях. Затем наш хошун возвращал заимствования улясутайским торговым конторам. Ныне же пахотные повинности в Кобдо, по норме равные трем податным с хозяйствами, *взяты аймаком в свое ведение*¹⁷, и хошун, на каковой прежде установленным порядком было возложено несение сих повинностей, подлежит замене при их исполнении. Однако же наш хошун в нынешнем году уже внес нанятым людям плату, обусловленную договоренностями о том, что они принимают на себя обязанности по исполнению казенных служб. Посему возникла необходимость в том, чтобы излишне внесенную за пять месяцев плату у получивших ее людей изъять и вернуть нашему хошуну. По выяснении всех означенных выше обстоятельств мы обращаемся в высокочтимый департамент казенных служб нашего аймака с уведомлением о необходимости довести настоящее сообщение до сведения кобдоского джисана, дабы последний учинил расследование на предмет того, были или не были на основании установленных правил уволены от несения пахотной службы люди, исполнявшие ее взамен трех податных с хозяйствами, каковые подлежат ис-

ключению из числа несущих казенные повинности. Коли упомянутые люди по освобождении от службы получили плату за ее исполнение, то уполномоченным на то инстанциям надлежит незамедлительно взыскать с них денежную сумму в 75 лан, состоящую из трех сумм по 25 лан, излишне выплаченных им за несение пахотной службы взамен каждого из трех податных. По исполнении сего взысканные деньги благоволите вернуть по первоначальной их принадлежности и донести о сем согласно правилам. В том и состоят причины, побудившие нас обратиться к вам с настоящим служебным отношением. Направляя настоящее послание Вам, милостивый государь-гун¹⁸ и прочим чинам, начальствующим над высокочтимым кобдоским департаментом казенных служб, мы, цзасак-тайджи Бумдар и прочие чины, поставленные во главе джисана Сайннойонханского аймака, просим вас определить, были или не были согласно установленным правилам уволены от несения пахотной повинности три податных с хозяйствами, означенных в направляемой нами депеше. Ежели они были уволены с получением платы за работу на пашнях, то просим вашего соизволения на то, чтобы получившие ее люди были побуждены к возврату излишне полученных ими денег общей суммой в 75 ланов тому хошуну, каковой внес указанную плату. Таковы обстоятельства, сообразуясь с каковыми, мы направили вам настоящую депешу». Мы, начальствующий над кобдоским департаментом казенных служб цзасак-тайджи Ринчинбал и прочие чины, отсылаем данное письмо Вам, цзалану Цэбэграши, состоящему командиром над военнообязанными податными, несущими пахотную повинность. С получением сего Вам надлежит установить, все ли из людей, каковые были наняты хошуном цзянцзюнь-вана для несения возложенных на данный хошун пахотных повинностей, по норме равных пяти податным с хозяйствами, прибыли к месту несения и службы и были ли они уволены от ее исполнения. Ежели уволенным была выдана плата за работу на пашнях, то благоволите взыскать с получивших ее людей, принявших на себя обязанность по исполнению повинностей, и вернуть по изначальной принадлежности деньги в указанной выше сумме, равной излишней плате за несение в течение пяти месяцев пахотной службы, по норме равной трем податным с хозяйствами. Благоволите также к 25-му дню сего первого месяца нового года представить в наш департамент доклад об исполнении данных Вам поручений, дабы не вызвать задержки в отсылке рапортов о произведенных нами действиях в подлежащие сему инстанции. На сей предмет в Ваш адрес и направлено настоящее служебное отношение.

Примечания

¹ Тайджи 1-й степени Ринчинбал состоял в должности хошунного правителя в Дзасактуханском аймаке с 1827 по 1876 г. [Шархүү, 1984. С. 196].

² Департамент государственных служб в Кобдо (монг.: Qobdu-yin jishiyan или Qalq-a- yin jishiyan; кит.: 科布多駐班) был учрежден в 1763 г. как структурное зве-

но в ведомстве здешнего цинского наместника [Насанбалжир, 1964. С. 42]. Иное название департамента, принятое в отечественной монголоведной литературе, Кобдоский джисан (от монгольского *жасаа* — очередная или срочная государственная служба) [Позднеев, 1880. С. 92]. Полномочия этого административного подразделения состояли в надзоре за своевременным, полным и точным исполнением властями халхаских аймаков обязанностей по привлечению подведомственного им населения к службам на казенных пашнях, в караулах, на почтовых станциях и при стадах государственного скота, находившихся в подчинении у цинского наместника в Кобдо. Департамент был обязан контролировать порядок прибытия военно- и трудообязанных монголов к местам несения казенных повинностей, следить за тем, чтобы аймаки и хошуны снабжали направленных ими в Кобдо податных натуральным и денежным довольствием и организовывали их своевременное убытие к местам постоянного жительства по истечении установленных сроков несения службы. Постоянный штат чиновников в кобдоском джисане предусмотрен не был, должности в его аппарате по установленной очереди замещались халхаскими князьями и чиновниками, привлекавшимися к исполнению служебных обязанностей в цинской администрации. Подобный порядок действовал с момента учреждения джисана и распространялся на всю его штатную структуру, начиная с поста главы, на который заступали правители халхаских хошунов. На тех же основаниях в штате департамента государственных служб состояли *дзахирагч дзангинь* (помощники хошунных правителей по военно-административной части, монг.: *захирагч занги*; *jakira či janggan*; кит.: 管旗章京 или 都统), каковым был «поручен надзор за беглыми и преступниками и преследование сих последних» [Галдан, 2006. С. 240]. С 1768 г. помимо перечисленных чинов в кобдоском джисане начали служить халхаские *туслагчи-тайджи* (см. примеч. 7). В том же году по указу императора Цяньлуна джисан получил служебную печать, которую следовало изготовить из дерева [Галдан, 2006. С. 250]. Последнее обстоятельство указывает на то, что кобдоский департамент казенных служб относился к низшим звеньям цинской иерархии официальных инстанций. Срок пребывания халхаских князей и чиновников в Кобдо в статусе должностных лиц здешнего джисана был непродолжителен и ограничивался тремя месяцами [Цзяцин чао «Дай Цин хуэйдянь», 1988. С. 78]. С 1767 г. к такой ротации начали привлекаться исключительно выходцы из западных аймаков Северной Монголии — Дзасактуханского и Сайннойонханского, расположенных в непосредственной близости от Кобдоского округа [Гонгор, 1964. С. 70]. В официальной переписке кобдоского джисана за 1789 г. читаем: «Несущие службу в нашем департаменте дзасаки (хошунные правители. — А. П.) и чиновники заступают на должности по следующей очереди: зимой и летом — дзасаки от Сайннойонханского и чиновники от Дзасактуханского аймака, весной и осенью — дзасаки от Дзасактуханского и чиновники от Сайннойонханского аймака» [Tngri-yin tetgügsen-ü urbadu ar on. Тетр. 2. Л. 13а].

³ *Дзалан* (монг.: *залан*; *jalang*, кит.: 參領) — чиновник хошунного звена цинского госаппарата в Монголии, который начальствовал над 6-ю сомонами (единицами административного деления, состоявшими из 150 «душ» военно- и трудообязанного населения). Впервые эти должности были учреждены в 16-м году правления императора Шуньчжи (1658) в хошунах Южной Монголии [Дай Цин хуэйдянь цзэли, 1748. Цз. 140. Л. 216]. Два года спустя

монгольским хошунным чиновникам, в том числе и дзаланам, были присвоены знаки различия (шарики на головных уборах, пояса и подушки для сидения в присутственных местах), которые в цинской табели о рангах находились на одну ступень ниже, чем у чинов, занимающих аналогичные должности в Восьмизнаменных маньчжурских войсках [Цяньлун чао «Лифаньюань цзэли», 1988. С. 16]. В Халхе ранги дзаланов, как и весь прочий штат чиновников хошунных управ, были установлены в 1691 г. указом императора Канси [Цяньлун чао «Лифаньюань цзэли», 1988. С. 95]. В дальнейшем описанные нами правила, определяющие статус должностных лиц, начальствовавших над 6-ю сомонами, вошли в состав свода законов «Мэнгу люйли» (1789), [Мэнгу люйли, 1988. Цз. 1. Л. 8а; Цз. 2. Л. 46], а также в первое (1817) и последующие издания «Уложения Лифаньюань» — основного цинского кодекса, предназначенного для управления монголами [*qauli jüyil-ün bičig*, 1817. Цз. 6. Л. 24а; *qauli jüyil-ün bičig*, 1989. Т. 1. С. 160]. Что касается службы халхаских дзаланов на кобдоских пашнях, то в 1762 г. с началом возделывания государственных полей на них была возложена ответственность за поддержание «порядка и надлежащего устройства» среди несущих пахотную повинность монгольских податных. Управление же пашнями в то время относилось к прерогативам командования размещенных в Кобдо китайских войск Зеленого знамени [Галдан, 2006. С. 240]. Но после того как в 1806 г. последние были освобождены от участия в формировании государственных зерновых запасов в Западной Монголии, обязанности по обеспечению урожайности казенных полей в Кобдо были переложены на монгольских чиновников, в том числе дзаланов. В III издание «Уложения Лифаньюань» (1842) включена отсутствовавшая в предыдущих редакциях этого свода законов статья, которая гласила: «В случае если на кобдоских пашнях сбор зерна в надлежащей степени кратности не превысит посев, то надлежит поступать следующим образом: при более чем пятикратном превышении состоящих на пашнях чиновников и рядовых цириков суду и наказанию не подвергать. При том же, что разница окажется менее чем пятикратной, дела управляющих пашнями монгольских чиновников передать на рассмотрение в Лифаньюань для определения им наказания. Каждому из них сообразно тяжести совершенного проступка назначать наказание от штрафа девятками скота до увольнения с государственной службы. Рядовых же карать битьем ташуром (бамбуковой палкой с ременной петлей на конце. — А. П.) сообразно решению, каковое полномочна принять канцелярия подлежащего (т. е. кобдоского. — А. П.) наместника» [*qauli jüyil-ün bičig*, 1842. Цз. 44. Л. 33а-б].

⁴ *Военнообязанные податные, несущие пахотную повинность, или пахотные цирики* (монг.: *tarian-u čereg*; кит.: 屯田兵丁) — термин, принятый в цинской юриспруденции и официальном документообороте для обозначения состоявших в «нижних чинах» монголов, которые были мобилизованы для возделывания казенных пашен. Фискальные правила, установленные центральными властями империи Цин в Монголии, определяли, что каждой из форм государственных повинностей должна соответствовать определенная категория податных, привлекавшихся к ее исполнению. Таких категорий было две: «*erüke čereg*» («обеспеченные собственным хозяйством») и «*beu-e čereg*» («мобилизованные по личной разрядке») [*alba tegsitgesen dangs-a*, 1962. С. 84—87]. К первой категории относились те военно- и трудообязанные совершеннолетние мужчины, кому следовало служить «на свой кошт»,

обеспечивая себя всем необходимым за счет собственного хозяйства и имущества. Среди прочих видов казенных повинностей эти податные несли и пахотную. Монголы, мобилизованные по второй из упомянутых категорий, на пашнях не служили. Из них формировался личный состав пограничных караулов, который получал казенное жалование, но одновременно должен был иметь собственное вооружение и снаряжение. Помимо этого в монгольской административной терминологии цинского периода термином «егүке ёегег» обозначалась условная единица разверстки государственных служб, равная двум военнообязанным «душам мужского пола» [alba tegsitgesen dangs-a, 1962. С. 6].

В 1762 г. при учреждении государственных пашен в Кобдо к их обработке было привлечено 400 халхаских податных «с хозяйствами» [Галдан, 2006. С. 240]. Половину из них обязан был направить Тушетуханский аймак. Помимо него в комплектовании контингента пахотных цириков участвовали Сайннойонханский и Дзасактуханский аймаки (128 и 72 податных, соответственно) [Насанбалжир, 1964. С. 113]. Сверх того перечисленные аймаки командировали в Кобдо управлявших пашнями чиновников: Тушетуханский и Сайннойонханский — по 1 *дзалану* (см. примеч. 4), 1 сомонному начальнику (или дзангину; монг.: занги; janggin, кит.: 佐领) и 1 уряднику (или хундую; монг.: хүнд бошго; хүндүү боо, кит.: 骁骑校), а Дзасактуханский — дзангина и урядника. По истечении года, проведенного на службе, личный состав пахотных подразделений подлежал замене [Дай Цин хуэйдянь, 1818. Цз. 52. Л. 216]. Что касается четвертого халхаского аймака — Сэцэнханского, то его податное население было освобождено от обременений, связанных с возделыванием кобдоских казенных полей. Подобный фискальный режим был установлен в начале 1760-х гг. в связи с удаленностью этого аймака от Западной Монголии и при условии пропорционального увеличения размеров возложенных на него казенных повинностей в прилегающих к его территории караулах, административных учреждениях и на почтовых станциях [Попов, 1995. С. 132, 133].

В 1806 г. император Цзяцин издал указ о частичном расформировании контингента кобдоских землепашцев в связи с сокращением площади обрабатываемых полей. В места постоянного жительства отправились 150 рядовых цириков (75 из Тушетуханского, 48 из Сайннойонханского и 27 из Дзасактуханского аймака). Помимо этого со службы были уволены по 1 сомонному начальнику из Тушетуханского и Сайннойонханского аймаков и 1 урядник из Тушетуханского аймака [Галдан, 2006. С. 271, 272]. Официальная переписка кобдоского джисана за 1826 г. содержит поименный список 7 чиновников и 250 рядовых, которые занимали должности, оставшиеся на пашнях после сокращения числа прикрепленных к ним податных [törögöreltү-yin jir u adууаг он. Л. 23а—25а]. В 1838 г. при очередном распределении повинностей, исполняемых халхаским податным населением, штатная структура подразделений пахотных цириков, а равно и обязанности аймаков по их комплектованию остались неизменными [alba tegsitgesen dangs-a, 1962. С. 33]. Впрочем, постепенная деградация государственного земледелия в Кобдо привела к тому, что в 1853 г. численность служивших здесь податных монголов была снижена еще на 50 человек, 25 из которых происходили из Тушетуханского, 16 из Сайннойонханского и 9 из Дзасактуханского аймака [alba tegsitgesen dangs-a, 1962. С. 37, 38].

⁵ *Дзасак-тайджи 1-й степени Бумдар* — состоял в должности хошунного правителя в Сайннойонханском аймаке с 1840 по 1865 г. [Шархүү, 1984. С. 137].

⁶ *Департамент казенных служб (или джисан) Сайннойонханского аймака* (монг.: Сайннойонхан аймгийн жацаа, sayin poуan ayima -un jisiyan; кит.: 赛音诺颜部驻班) наряду с подобными ему административными подразделениями, сформированными четырьмя халхаскими аймаками, входил в структуру ведомства цинского генерал-губернатора (или цзянцзюня) в Улясутае. Занимавший эту должность сановник официально именовался «ведующим западным направлением помощником главнокомандующего, водворяющим надлежащее устройство на пограничных территориях» (по-китайски: 乌里雅酥台定边左副将军, по-монгольски: kijayaг dakin-i toyтауayүci jegün eteged-ün tusalayүci jangjün). Он управлял военно-административными делами во Внешней Монголии и контролировал деятельность властей двух западных аймаков Халхи — Дзасактуханского и Сайннойонханского. В подчинении генерал-губернатора в числе прочих состояли и административные подразделения, которые не имели постоянного штата и комплектовались должностными лицами, командированными на трехмесячный срок из Северной Монголии. Для руководства этими подразделениями в Улясутай для несения служебного дежурства по очереди направлялись *помощники старшин халхаских сеймов, ведавших военно-административными делами* (см. примеч. 8). Под их непосредственным началом находились департаменты казенных служб четырех северомонгольских аймаков, в том числе и интересующий нас *Сайннойонханский джисан*. Описание последнего и подобных ему учреждений цинского госаппарата, рассматриваемых нами в данном комментарии, содержится, в частности, в датированном 1841 г. китайском историко-географическом сочинении «Трактат об установлении границ» (定边纪略), главным составителем которого считается маньчжурский сановник И Сян, служивший в 1839—1843 гг. в ранге улясутайского цзянцзюня: «Первоначально [при основании Улясутая] здесь была учреждена должность помощника старшины сейма, ведающего военно-административными делами, каковая именовалась „фуцзянцзюнь, несущий очередное дежурство“. Сию должность по очереди замещал один из помощников старшин четырех халхаских аймаков по военно-административной части. Место пребывания данного чиновника и расположения его канцелярии было определено вне городской цитадели. Чиновнику было предписано надзирать за ходом всех служебных дел, касающихся четырех халхаских аймаков, и выступать в таких делах промежуточной инстанцией [между улясутайским генерал-губернатором и аймаками]. Каждому халхаскому аймаку для помощи в решении административных дел, касающихся сношений с хошунами, было указано согласно установленной очереди направлять [в Улясутай] по одному хошунному правителю, по одному *помощнику хошунного правителя* (см. примеч. 7. — А. П.), по пять *дзаланов* (см. примеч. 3. — А. П.) и по одному тайджи, служащему в должности курьера. Всех указанных чинов следовало сменять на службе один раз в три месяца» [Дин бянь цзюлюэ, 1990. С. 45]. Халхаским чиновникам, находившимся на очередном служебном дежурстве в Улясутае, выплачивалось казенное жалование. В частности, помощник сеймового старшины за три месяца, проведенных на дежурстве, получал 54 лана, хошунный правитель — 28 ланов и 8 цяней, помощник хошунного правителя — 24 лана, дзалан — 18 ланов и 3 цяня, тайджи, исполнявший курьер-

ские обязанности — 15 лан. Денежное и натуральное довольствие полагалось также монгольским рядовым цирикам, состоявшим при дежурных подразделениях в качестве посыльных и охраны [Улясутай чжилээ, 1990. С. 80]. Что касается всех прочих затрат на содержание джисанов, то имперские власти возложили их бремя на халхаские аймаки. О тяжести этого бремени может свидетельствовать, например, тот факт, что от одного лишь Сэцэнханского аймака обеспечение трехмесячной службы помощника сеймового старшины в Улясутае в 1840 г. потребовало поставки 368 голов овец, 2 юрт, 3 палаток, 54 лошадей, 23 верблюдов, большого количества плиточного чая и т. д. [Содномдагва, 1961. С. 67]. Цинская казна не возмещала несущим служебное дежурство монгольским чиновникам даже канцелярские издержки. Так, в 1789 г. кобдоский амбань распорядился, чтобы хошунный правитель, состоящий при его ведомстве на очередной службе, снесся с вышестоящими инстанциями в Улясутае, где и справился, каким образом впредь изыскивать деньги, необходимые ему на нужды делопроизводства [Tngri-yin tetgügsen-ü urbadu ar on. Л. 19а].

⁷ *Туслагчи или туслагчи-тайджи* (монг.: tusalajči tayjji; кит.: 协理旗务台吉) — наименование должности помощника правителя хошуна в Монголии цинского периода. В случаях временного отсутствия правителя (как в комментируемом документе) или его неспособности к исполнению своих обязанностей туслагчи обязан был заступить на пост главы хошунной администрации. В административную структуру должности помощников правителей хошунов были включены в 1682 г. указом императора Канси [Дай Цин хуэйдянь цэзли, 1748. Цз. 140. Л. 186]. В дальнейшем содержание указа вошло во все основные сборники цинского законодательства, связанного с управлением Монголией, в частности, в «Уложение Лифаньюань»: «Во всех монгольских аймаках, в каждом хошуне установить должность тайджи, помогающего в делах управления хошуном. Сим тайджи постановляется в обязанность содействовать хошунным правителям в делах управления хошунами. При открытии по данной должности вакансии подлежащему хошунному правителю надлежит избрать двух отличающихся способностями и добродетельностью кандидатов из числа состоящих в его хошуне неслужилых князей рангом от вана до тайджи, так, чтобы кандидатам было по силам справляться с обязанностями по указанной должности. Избрав из кандидатов первого и второго, следует доложить о них старшине подлежащего аймачного сейма, сопроводив доклад аттестацией их способностей и поведения. Сеймовому старшине надлежит препроводить сей доклад в Лифаньюань. Последней же палате постановляется в обязанность, изучив все причастные к делу обстоятельства, вызвать кандидатов в Пекин и представить их назначение на высочайшее благоусмотрение» [qauli jüyil-ün bičig, 1817. Цз. 6. Л. 16а-б].

⁸ *Туслагчи-цзянцзюнь ванн* — речь идет о цзюнь-ване Тугжжаве (монг. Tügjjab), хошунном правителе из Сайнойонханского аймака в конце 1830-х—начале 1840-х гг. Именно этот князь по данным, приведенным Ц. Шархуу [Шархуу, 1984. С. 141], служил в уопмянутом аймаке *помощником старшины сейма по военно-административным делам или туслагчи-цзянцзюнем* (монг.: туслагч жанжин, tusalajči jängjun; кит.: 副将军). В Северной Монголии чиновные должности, аналогичные той, что занимал в аймачной администрации цзюнь-ван Тугжжав, были учреждены в 1724 г. указом императора Юнчжэна [Цяньлун чао «Лифаньюань цэзли», 1988. С. 96; Позднеев, 1883а.

С. 312]. Первоначально назначенным на эти должности монгольским князьям было вверено командование войсками аймаков, но только в военное время и только теми контингентами, которые состояли на действительной службе и не находились в резерве. В дальнейшем полномочия аймачных туслагчи-цзянцзюней были существенно расширены. Они были дополнены обязанностями по постоянному контролю за поддержанием боеспособности халхаского ополчения, в котором числилось все служилое население («сомонные люди»; монг.: suman-u arad, кит.: 苏木兵丁), в мирное время пребывавшее в местах постоянного жительства. Основопологающим кодексом цинских законов «Дай Цин хуэйдянь» (大清会典) в редакции, относящейся к временам правления императора Цзяцина (1796—1820), статус интересующей нас чиновной должности был определен следующим образом: «В каждом из четырех халхаских аймаков назначить по одному помощнику старшины сейма по военным делам и к каждому из указанных сановников по одному заместителю (монг.: kebei jängjun; кит.: 参赞). В двух крыльях [западномонгольских. — А. П.] дурбэтов установить по одной должности помощника старшины по военным делам. Для сего представить на высочайшее благоусмотрение списки всех состоящих в вышеупомянутых аймаках и крыльях правителей хошунов, на основании коих испросить императорский указ о назначении из их числа сановников на перечисленные должности. Сим сановникам вменить в обязанность ежегодные проверки состояния войск и воинского оружия в каждом из хошунов. При отсутствии назначенных на должности помощников старшин по военным делам и их заместителей обязанность по проверке состояния войск возложить на сеймовых старшин, а при отсутствии назначений на должности последних — на правителей подлежащих хошунов» [Цзяцин чао «Дай Цин хуэйдянь», 1988. С. 78]. Аймачные туслагчи-цзянцзюни находились в непосредственном подчинении у цинских наместников в Северной Монголии и в военно-административной области имели полномочия, равные по значению правам и обязанностям старшин сеймов. За исполнение обязанностей по основной должности военные помощники сеймовых старшин (как и сами старшины) не получали специального вознаграждения. Жалованье от цинской казны им назначалось сообразно аристократическому титулу наравне с прочими хошунными правителями [Содномдагва, 1961. С. 56, 57]. Впрочем, в отдельных случаях, например, во время очередных служебных командировок в Улясутай, аймачным туслагчи-цзянцзюням полагалось дополнительное денежное содержание (см. примеч. 6).

⁹ В данном случае авторами документа употреблен термин «егүке čегег», комментарий к которому приведен в примеч. 4.

¹⁰ Согласно порядку, заведенному цинской администрацией в Северной Монголии начиная с середины XVIII в., обязанности по кадровому и материальному обеспечению государственных служб были возложены на самое многочисленное сословие податного населения, именовавшееся «сомонные люди» (монг.: suman-u arad; кит.: 苏木兵丁). Это сословие делилось на сомоны, сведенные в хошуны или знамена. Сомоны, учрежденные по образцу и подобию нюру (подразделений маньчжурских Восьмизнаменных войск), были впервые введены в Южной Монголии указом императора Шуньчжи в 1658 г. [Дай Цин хуэйдянь цэзли, 1748. Цз. 140. Л. 216]. Согласно этому указу, в каждый сомон следовало зачислять «150 душ совершеннолетних податных мужского пола».

С 1773 г. распределение казенных повинностей между халхаскими аймаками и хошунами производилось соответственно численности сомонного населения в каждом из них [Насанбалжир, 1964. С. 169]. При этом имперские власти, исходя из потребностей размещенных в Северной Монголии военно-административных учреждений, составляли разрядку численности податных, которых следовало отрядить для несения государственных служб. Подобная разрядка в качестве обязательной к неукоснительному исполнению директивы доводилась до сведения сеймовых старшин, возглавлявших администрацию четырех халхаских аймаков. Старшины обязаны были принять согласованное решение о равном распределении бремени казенных повинностей, возложенных на разные аймаки, и составить тому подробные реестры [alba tegsitgesen dangs-a, 1962. С. 5]. Четкой периодичности уравнивания повинностей в пределах Северной Монголии установлено не было. Сеймовые старшины по большей части производили его в том случае, если обнаруживались какие-либо отклонения от нормы равной разверстки казенных служб, определенной в расчете на численность сомонных податных [Попов, 1995. С. 127]. Вместе с тем известная самостоятельность халхаских властей в принятии решений по вопросам распределения повинностей между аймаками и хошунами существовала в рамках жестких правил об общем объеме фискального обложения, приходящегося на Северную Монголию. Имперскими властями пресекались любые попытки сеймовых старшин сократить численность трудобязанного населения, требовавшегося для службы в военно-административных структурах. Приведем выдержку из циркулярного распоряжения, которое в 1839 г. было направлено в халхаские аймаки Лифаньюань (理藩院) основным подразделением центрального правительственного аппарата империи Цин, надзиравшим за положением дел во Внешней Монголии: «Отныне и впредь, буде в хошунах действительно уменьшится число душ мужского населения, то можно прежним порядком сократить число сомонов. При сем, однако же, запрещается представлять ложные доклады о вымышленном уменьшении численности податного населения, стремясь с помощью Лифаньюань отстраниться от несения повинностей и добиться их распределения между прочими аймаками. Ныне же, если по докладу об уменьшении числа податных наша палата не выносит решения относительно сокращения повинностей, то представивший сей доклад аймак докучает назойливыми жалобами о том, что в нем, дескать, мало людей. Коли сократилось число сомонных душ мужского пола, то пусть внутри аймака изыщут, как найти им замену на казенной службе, и представят свое решение нам на утверждение. Вообще же, в какой бы степени ни сократились сомоны, приходящиеся на них казенные службы никоим образом нельзя перекладывать на другие аймаки за счет перераспределения повинностей» [sayisiyalu iğüeltü-yin yurbaduyar on. Л. 35а]. Очевидно, что выраженная таким образом позиция имперских властей определила действия властей Сайннойонханского аймака в ситуации, о которой речь идет в комментируемом документе.

¹¹ Речь вновь идет о *цзюнь-ване Тугжэжаве* (см. примеч. 8).

¹² Цинским законодательством для податных, отбывавших пахотную повинность в Кобдо, в начале XIX в. был установлен *годовой срок пребывания на службе, по истечении которого они подлежали замене* [Цзяцин чао «Дай Цин хуэйдянь», 1988. С. 78]. При этом ежегодная процедура ротации личного состава цинских военно-адми-

нистративных органов в Северной Монголии должна была завершаться к началу *8-го месяца по лунному календарю*, т. е. к сроку, означенному в комментируемом документе.

Вместе с тем степень практической действенности приведенных законоположений вряд ли была высокой, о чем свидетельствуют довольно многочисленные сообщения источников. Приведем лишь один пример. Исходящая переписка кобдоского джисана за 1825 г. содержит адресованное властям хошуна тайджи Дондовдоржи (Тушетуханский аймак) уведомление о результатах обследования имущественного положения трех податных, направленных упомянутым хошуном на кобдоские пашни взамен тех, кто выслужил установленные сроки. В уведомлении было указано на то, что вновь прибывшие люди бедны, имеют весьма скудное имущество и мало скота. Двое из них по этой причине не были допущены к пахотной службе, их отправили к месту постоянного жительства. Далее чиновники джисана писали: «Один же рядовой цирик по имени Дашиджав с его хозяйством по бедности последнего был придан в помощь к находящемуся в течение длительного времени на пашнях (подчеркнуто нами. — А. П.) неимущему хозяйству цирика Дандара. Служба, каковая исполняется двумя означенными податными, засчитывается за исполнение повинности по норме, равной одному рядовому цирику с хозяйством» [törö gereltü-yin jir u aduyar on. Л. 4а]. Очевидно, что составившие цитированный документ монгольские чиновники открыто позволяли себе игнорировать положения цинского законодательства, требовавшие замены рядовых пахотных цириков по истечении года службы. С одной стороны, подобные вольности в их действиях скорее всего объяснялись тем, что имперские власти пристально следили за дееспособностью и поддержанием стопроцентной комплектности контингента монгольских податных, обрабатывавших казенные поля в Кобдо. Контролю же за строгим соблюдением сроков пахотной службы пекинские, улясутайские и кобдоские административные инстанции уделяли значительно меньшее внимание. С другой стороны, чиновники халхаских аймачных и хошунных управ, вероятно, понимая иерархию вопросов, интересовавших вышестоящее начальство, в первую очередь старались соблюсти разрядку по числу податных, отправленных в Кобдо, и не особенно обременяли себя проблемами их ежегодной замены. Наблюдения за тем, что местные власти предпочитали не сменять и подолгу оставлять на службе подчиненных им аратов, привлеченных к работам на кобдоских пашнях, сделаны Ш. Нацагдоржем [Нацагдорж, 1963. С. 166]. Поводом же, способным побудить монгольских чиновников к тому, чтобы озаботиться вопросами ротации рядовых цириков, пахавших казенные поля, могла быть или нищета и очевидная неспособность к нелегкому земледельческому труду, или (как в случае, о котором речь идет в комментируемом документе) изменение норм раскладки повинностей.

¹³ Содержащийся в тексте документа термин «*реестровые повинности*» (монг.: dangsa alba) обозначает виды государственного фискального обложения, которые были внесены в государственные реестры уравнительного распределения казенных служб между четырьмя халхаскими аймаками соответственно численности податного населения в каждом из них [alba tegsitgesen dangs-a, 1962. С. 5].

¹⁴ В монгольской административной терминологии цинского периода для обозначения *вспомогательных и сезонных работ на кобдоских пашнях* использовался термин «keiked degüü», что в переводе на русский язык означает «дети и младшие братья». Подобный вид этот термин при-

обрел благодаря своему происхождению. Его появление в официальных документах относится к началу XIX в. За податными монголами, направленными на государственные пашни в Кобдо, нередко следовали их семейства. Младшие родственники монгольских податных мужчин, их дети и младшие братья в числе прочих сезонных работников, направляемых из прилегавших к пашням халхаских и ойратских хошунов, в конце XVIII—начале XIX в. систематически привлекались к уборке урожая. С течением времени это обстоятельство и дало повод к появлению интересующего нас термина [Гонгор, 1964. С. 64]. В 1830 г. ежегодное участие в уборочной страде 120 сезонных работников, официально именуемых *keüked degüü*, было включено в перечень обязательных повинностей, возложенных цинской администрацией на халхаские аймаки. Данный вид казенных служб подлежал уравнительной раскладке на сомонное население так же, как и прочие категории фискального обложения [*alba tegšitgegsen dangs-a*, 1962. С. 5]. Вместе с тем очевидно, что организация систематических командировок податных в Кобдо сроком на месяц (а именно таковой была продолжительность сезонных полевых работ) для большинства аймаков и хошунов в условиях Северной Монголии середины XIX в. была трудновыполнимой задачей. Но дабы все же решить ее и исполнить обязательство перед цинской казной, местные халхаские власти прибегали к упомянутому в комментируемом документе найму сезонных работников. В качестве последних по большей части выступали податные монголы, которые, отбыв казенные повинности, по тем или иным причинам (в основном по бедности и отсутствию скота для ведения собственного хозяйства) не вернулись в родные края и «обретались без дела» в окрестностях Кобдо. В источниках содержится немало подтверждений тому, что довольно многочисленные контингенты такого маргинального населения сформировались вокруг государственных пашен вскоре после их основания. В 1789 г. чиновники кобдоского джисана разослали властям халхаских аймаков циркулярную депешу, в которой, в частности, говорилось: «Поблизости от Кобдо в последние годы стало встречаться много людей, пребывающих здесь без целей, связанных с несением казенной службы. О сем следует известить подчиненные вам надлежащие канцелярии (речь идет об аймачных джисанах в Улясутае. О них см. примеч. 6. — А. П.), дабы от них были направлены чиновники, каковые, изучив все обстоятельства на месте, препроводили бы праздношатающихся к местам их жительства» [*Tngri-yin tetgügsen-ü urbadu ar on*. Тетр. 2. Л. 106]. В реестре исходящих бумаг кобдоского джисана за 1826 г. неоднократно сказано о том, что освобожденные со службы пахотные цирики, не имевшие скота и достаточных средств для возвращения к местам постоянного жительства, постоянно «обретались при пашнях» [*töğ gereltü-yin jir u aduᠭar on*. Л. 9б, 11а, 13б]. По справедливому замечанию Д. Гонгора, это были бедняки, которые могли стать лишь обузой для своих хошунов [Гонгор, 1964. С. 67]. В основном именно такие «праздношатающиеся» обездоленные люди за скромную плату и выполняли сезонные работы на кобдоских пашнях вместо «реестровых» цириков, которые по букве закона должны были прибыть из аймаков и хошунов.

¹⁵ Употребленный в комментируемом документе монгольский термин «*puᠵan*» произошел от китайского слова 铺子 («торговая лавка, магазин»). В то время, когда документ был составлен, этот термин применялся для обозначения китайских коммерческих и ростовщических заведе-

ний и контор, которые распространили свою деятельность на Северную Монголию начиная с середины XVIII в. Хотя цинские законы запрещали жителям Среднего государства свободный въезд на монгольские территории, но для торговцев и ростовщиков был сделан ряд исключений. Им было позволено приобретать официальные патенты на ведение коммерческих и ссудных операций в монгольских аймаках и хошунах. При этом кредитование местного населения на личные, не связанные с государственными интересами нужды не допускалось [*qauli jüül-ün bičig*, 1817. Цз. 34. Л. 25а; *qauli jüül-ün bičig*, 1826. Цз. 34. Л. 24а; *qauli jüül-ün bičig*, 1842. Цз. 34. Л. 24а]. Цель, которую в данном случае преследовали имперские власти, состояла в том, чтобы использовать китайский кредит для оперативного снабжения продовольствием и тяглом монголов, несущих казенные повинности вдалеке от родных мест. Одним из свидетельств, подтверждающих сказанное, выступает комментируемый документ.

Кобдоские пашни (как, впрочем, и иные цинские военно-административные институты в Монголии) в весьма существенной степени зависели от денежных и натуральных ссуд китайских торгово-ростовщических фирм [Попов, 1992. С. 179]. Механизм образования и возврата подобной «казенной» долгов зафиксирован, например, в официальной переписке кобдоского джисана. Осенью 1826 г. его чиновники направили в департамент казенных служб Сайннгойонханского аймака депешу, в которой, в частности, говорилось: «Ныне наступили холода, в продолжение коих следует перевозить казенное зерно к местам хранения. Однако же на пашнях открылся недостаток в тягловом скоте и провианте, от чего возникли изрядные затруднения в исполнении государственных служб. По сей причине, уведомив вышестоящие инстанции, 10-го месяца 12-го дня мы взяли в долг у китайской фирмы *Nasuyin* (китайское ее название Тяньидэ (天义德). — А. П.) тягловый скот и провизию. Ссуда подлежит возврату на установленных условиях ближайшим к вам конторам улясутайской фирмы *Vaturun* (по сообщению А. М. Позднеева, это фирма Юхундянь [Позднеев, 1880. С. 74, 75]. — А. П.). К сему прилагаем список с указанием титулов хошунных правителей, имен подведомственных им цириков и количества полученного каждым из последних скота и провианта. Просим довести данное сообщение до сведения подлежащих инстанций. Помимо сего просим выдать фирме *Nasutu* расписки, гарантирующие возврат ссуды» [*töğ gereltü-yin jir u aduᠭar on*. Л. 18б]. Ради примера, характеризующего упомянутые в цитированном документе «установленные условия» кредитования, приведем сообщение А. М. Позднеева о том, что взятый в долг кирпич прессованного чая, который по обменному курсу российской валюты к китайскому лану стоил 1 р. 80 коп., приносил кредитору 1 р. 74 коп. процентов в год [Позднеев, 1880. С. 84]. Отмеченные нами свидетельства источников — всего лишь одно из многих подтверждений тому, что в XIX в. роль основного генератора «казенных» долгов внутри цинского административного аппарата в Монголии играли чиновники джисанов. Именно они, не будучи связаны никакой материальной ответственностью, были вправе получать у китайцев ссуды под грабительские проценты, исходя при этом из ими же сформулированных «интересов государственной службы». Что до возврата задолженностей, то эта обязанность приходилась на долю хошунов, правители которых лишь *post factum* узнавали о заключенных от их имени кредитных соглашениях. Следствием подобного порядка стал неконтролируемый рост

«казенных долгов», неотвратно приводивших в упадок хозяйство халхаских аймаков и хошунов.

¹⁶ В цинском законодательстве отсутствовали четкие правила регулирования стоимости услуг работников, нанятых халхаскими хошунами для исполнения повинностей на казенных пашнях взамен реестровых податных. Вместе с тем из монгольских источников явствует, что определенные механизмы образования цен на такого рода услуги все же существовали. Цены в данном случае зависели от уровня затрат, которые нанимавшей на стороне рабочую силу хошунной канцелярии пришлось бы понести в случае, если на государственных полях трудились не привлеченные возможностью заработка чужаки, а собственные, подведомственные ей податные. Цинская фискальная система в Северной Монголии XIX в. была устроена таким образом, что исключала для хошунных властей возможность ограничиться лишь ежегодным выполнением разрядки по мобилизации сомонного населения на казенные службы. Сверх того правительственные предписания обязывали местную халхаскую администрацию регулярно оказывать материальную помощь подчиненным ей военно- и трудообязанным простолюдинам, отбывавшим государственные повинности, и тем самым поддерживать среди них определенный минимум материального достатка, которым всякий податной монгольский арат должен был обладать для казенных надобностей [Попов, 1992. С. 174]. Понятно, что именно размеры подобного «вспомоществования» и являлись для хошунных властей главным ориентиром при определении условий найма сторонней рабочей силы.

Нормы и пути снабжения кобдоских пахотных цириков материальной помощью из родных кочевий с течением времени менялись. Первоначально в XVIII в. размер помощи определялся в пересчете на поголовье мясного, молочного и тяглого скота. Затем, с начала XIX в., натуральное снабжение постепенно уступило место денежным выплатам [Попов, 1992. С. 176]. Что касается размера этих выплат, то каждый из хошунных правителей был вправе установить его самостоятельно. Очевидно, что решение о величине субсидий всякий раз формулировалось с учетом зажиточности хошуна и потребностей податных в материальной помощи. Что до определения таких потребностей, то в нем активное участие принимали чиновники кобдоского джисана. Например, в 1826 г., по настоянию управляющих казенными пашнями должностных лиц, хошун гуна-помощника старшины сейма Дзасактуханского аймака взял на себя обязательство ежегодно платить жалованье трем своим рядовым цирикам, отряженным на службу в Кобдо, в размере 45, 50 и 55 ланов в зависимости от уровня их имущественного достатка [tögö gereltü-yin jir u aduγar on. Л. 326]. Для сравнения, гун Цэвээнжав и цзасак-тайджи Гэжэбал, чьи хошуны относились к Сайнойнханскому аймаку, в том же 1826 г. положили каждому из подчиненных им аратов, служивших на казенных пашнях, жалованье в размере, соответственно, 24 лана за каждые три месяца и 50 ланов в год. Различия в размерах

субсидий, очевидные из приведенного примера, в других случаях могли быть и более разительными. Полярными противоположностями в этом смысле выступают два хошуна Дзасактуханского аймака. Правитель одного из них, ван-старшина сейма выделял единственному своему пахотному цирику по 9 ланов в месяц. Правитель другого, цзасак-тайджи Цэвээнжав в подобной ситуации ограничился лишь 20 ланами в год [törö gereltü-yin jir u aduγar on. Л. 16б, 17а, 47а, 53б—54а]. Если обратиться к комментируемому документу, то канцелярия упомянутого в нем хошуна вана Тугжжава при определении платы людям, работавшим на казенных полях, на общем фоне не выделялась ни особой щедростью, ни чрезмерной скупостью.

К сказанному необходимо добавить, что в оказании помощи монгольским податным, несущим пахотную повинность в Кобдо, прежде всего нуждались региональные и центральные цинские власти, а не хошуны. Последние зачастую не отличались пунктуальностью в исполнении обязанностей по обременительному и явно не совпадавшему с их насущными интересами субсидированию имперских военно-административных институтов. По этой причине в систему материального обеспечения государственных пашен были включены *китайские ростовщические компании*, которые значительно более оперативно и эффективно, чем хошунные канцелярии, реагировали на запросы чиновников кобдоского джисана об обеспечении пахотных цириков деньгами, скотом и провиантом (см. примеч. 15).

¹⁷ Переход нормы пахотной повинности, от которой был освобожден хошун вана Тугжжава, в ведение аймака предполагал, что эта норма должна быть распределена между всеми прочими хошунами, входившими в Сайнойнханский сейм, сообразно численности податного населения в каждом из них (см. примеч. 10).

¹⁸ В комментируемом документе содержится подтверждение тому, что ротация кадрового состава департамента казенных служб в Кобдо действительно происходила в соответствии с порядком, описанным в примеч. 2. Авторами интересующего нас официального письма, как видно из его первых строк, являются «дзасак Ринчинбал, исполняющий должность главы департамента государственных служб в Кобдо, и состоящие под его началом прочие чины». Хотя в опубликованном Г. Ц. Цыбиковым тексте отсутствуют указания на точную дату составления письма, но из заключительного его фрагмента явствует, что оно было написано вскоре после наступления Нового года (по лунному календарю). Вместе с тем в официальной депеше дзасак-тайджи Бумдара, составленной до Нового года (в 10-м лунном месяце), на которую ссылаются авторы комментируемого документа, главой кобдоского департамента казенных служб значится не дзасак Ринчинбал, а иной не названный по имени халхаский князь с титулом *гун*. Очевидно, что последний, выслужив установленный срок, с наступлением новогодних праздников убыл в свои кочевья, а вместо него на чиновный пост заступил дзасак-тайджи Ринчинбал.

Использованные источники

Галдан, 2006: *Галдан*. Эрдэнийн эрх хэмээх түүх болой. Монгол бичгээс хөрвүүлж, эхүүдийг харьцуулан тулгаж, оршил бичин, тайлбар хийсэн доктор Ж. Гэрэлбадрах, Д. Будсүрэн, П. Бямбахорол (*Галдан*. Историческое сочинение, именуемое «Драгоценные четки» / Транслитерация, сводный текст, предисловие и ком-

ментарий Ж. Гэрэлбадрах, Д. Будусүрэн, П. Бямбахорол). Улаанбаатар, 2006 (*Galdan*. Erdeniyn erikh khemeekh tuukh boloyi. Mongol bichgees khorvuulj, ekhuudiyg khar'tsuulan tuulgaj, orshil bichin, tayilbar khiysen doctor J. Gerelbadrakh, D. Budusuren, P. Byambakhorol. Ulaanbaatar, 2006).

- Дай Цин хуэйдянь, 1818: 钦定大清会典 [Высочайше утвержденный свод узаконений Великой империи Цин]. [Б. м.], 1818. Ксилограф // Восточный отдел Научной библиотеки им. А. М. Горького СПбГУ. Фонд китайских рукописей ксилографов. Xyl F-42 (Qingding Dai Qing huidian. 1818. Xylograph. The Scientific Library of St.-Petersburg State University. Oriental Dept. Collection of Chinese Manuscripts and Xylographs. Xyl F-42).
- Дай Цин хуэйдянь цзэли, 1748: 钦定大清会典则例 (Высочайше утвержденное собрание узаконений к своду законов Великой империи Цин). [Б. м.], 1748. Ксилограф // Восточный отдел Научной библиотеки им. А. М. Горького Санкт-Петербургского государственного университета. Фонд китайских рукописей ксилографов. Xyl F-40 (Qingding Dai Qing huidian zeli. 1748. Xylograph. The Scientific Library of St.-Petersburg State University. Oriental Dept. Collection of Chinese Manuscripts and Xylographs. Xyl F-40).
- Дин бянь цзилуэ, 1990: 定边纪略 // 清末蒙古史地资料荟萃 // 中国边疆史地资料丛刊. 蒙古卷. 成崇德 马大正 主编. 吴丰培 编者. 北京 1990 (Трактат об установлении границ // Сб. историко-географических материалов о Монголии, относящихся к концу правления династии Цин // Собрание материалов по истории пограничных регионов Китая. Том, посвященный Монголии / ред. Чэн Чундэ, Ма Дачжэн; сост. У Фэнпэй. Пекин, 1990) (Ding bian jilüe // Qing mo Menggu shidi ziliao huicui // Zhongguo bianjiang shidi ziliao congan. Menggu juan. Chen Chunde Ma Dazheng zhubian. Wu Fengpei bianzhe. Beijing, 1990).
- Кулунь чжи, 1990: 库伦誌 / 清末蒙古史地资料荟萃 // 中国边疆史地资料丛刊. 蒙古卷. 成崇德 马大正 主编. 吴丰培 编者. 北京 1990 (Описание Их Хурээ // Сб. историко-географических материалов о Монголии, относящихся к концу правления династии Цин // Собрание материалов по истории пограничных регионов Китая. Том, посвященный Монголии / ред. Чэн Чундэ, Ма Дачжэн; сост. У Фэнпэй. Пекин, 1990) (Kulun zhi // Qing mo Menggu shidi ziliao huicui // Zhongguo bianjiang shidi ziliao congan. Menggu juan. Chen Chunde Ma Dazheng zhubian. Wu Fengpei bianzhe. Beijing, 1990).
- Мэнгу луйли, 1988: 蒙古律例 // 蒙古律例 回疆则例 // 中国边疆史地资料丛刊. 吕一燃 马大正 主编. 兰州, 1988 (Монгольское уложение // Монгольское уложение. Собрание узаконений относительно Синьцзяна // Собрание материалов по истории пограничных регионов Китая / ред. Люй Ижань, Ма Дачжэн. Ланьчжоу, 1988) (Menggu lüli // Menggu lüli. Huizang zeli // Zhongguo bianjiang shidi ziliao congan. Lü Yiran, Ma Dazheng zhubian. Lanzhou, 1988).
- Позднеев, 1883: Позднеев А. Официальные бумаги монгольского гражданского и уголовного делопроизводства. СПб., 1883 (Pozdneev A. Ofitsial'niye bumagi mongol'skovo grazhdanskovo i ugolovonovo deloproizvodstva. SPb., 1883).
- Улясутай чжилуэ, 1990: 乌里雅酥台志略 // 清末蒙古史地资料荟萃 // 中国边疆史地资料丛刊. 蒙古卷. 成崇德 马大正 主编. 吴丰培 编者. 北京 1990 (Описание Улясутая // Сб. историко-географических материалов о Монголии, относящихся к концу правления династии Цин // Собрание материалов по истории пограничных регионов Китая. Том, посвященный Монголии / ред. Чэн Чундэ, Ма Дачжэн; сост. У Фэнпэй. Пекин, 1990) (Wuliyasutai zhilüe // Qing mo Menggu shidi ziliao huicui // Zhongguo bianjiang shidi ziliao congan. Menggu juan. Chen Chunde Ma Dazheng zhubian. Wu Fengpei bianzhe. Beijing, 1990).
- Цзяцин чао «Дай Цин хуэйдянь», 1988: 嘉庆朝 «大清会典» 中的理藩院资料 // 清代理藩院资料辑录 // 中国边疆史地资料丛刊. 吕一燃 马大正 主编. 兰州, 1988 (Материалы по ведомству Лифаньюань в кодексе законов «Дай Цин хуэйдянь» в период правления императора Цзяцина // Сб. материалов Лифаньюань, относящихся к временам правления династии Цин // Собрание материалов по истории пограничных регионов Китая / ред. Люй Ижань, Ма Дачжэн. Ланьчжоу, 1988) (Jiaqing chao «Dai Qing huidian» zhongde Lifanyuan ziliao. Qing dai Lifanyuan ziliao jilu // Zhongguo bianjiang shidi ziliao congan. Lü Yiran, Ma Dazheng zhubian. Lanzhou, 1988).
- Цыбииков, 1898: Монгольские официальные бумаги, собранные ординарным профессором А. М. Позднеевым. Издал студент Г. Цыбииков. СПб., 1898 (Mongol'skiye ofitsial'niye bumagi, sobrannyye ordinarnym professorom A. M. Pozdneevym. Izdal student G. Tsybikov. SPb., 1898).
- Цыбииков, 1907: Цыбииков Г. Ц. Пособие для практического изучения монгольского языка. Владивосток, 1907 (Tsybikov G. Ts. Posobiye di'ya prakticheskovo izucheniya mongol'skovo yazyka. Vladivostok, 1907).
- Цыбииков, 1908: Цыбииков Г. Ц. Монгольские тексты: образцы слога и орфографии современного делопроизводства для чтения 3-го курса Восточного ин-та. Владивосток, 1908 (Tsybikov G. Ts. Mongol'skiye teksty: obraztsy sloga i orfodrafii sovremennovo deloproizvodstva dl'ia chteniya 3-go kursa Vostochnovo in-ta. Vladivostok, 1908).
- Цяньлун чао «Лифаньюань цзэли», 1988: 乾隆朝内府抄本 «理藩院则例» // 清代理藩院资料辑录 // 中国边疆史地资料丛刊. 吕一燃 马大正 主编. 兰州, 1988 (Свод копий императорских указов, исполненный Государственной канцелярией во времена правления под девизом Цяньлун и предназначенный для составления «Уложения Лифаньюань» // Сб. материалов Лифаньюань, относящихся к временам правления династии Цин // Собрание историко-географических материалов о пограничных регионах Китая / ред. Лу Ижань, Ма Дачжэн. Ланьчжоу, 1988) (Qianlong chao Neiwufu chaoben «Lifanyuan zeli» // Qing dai Lifanyuan ziliao jilu // Zhongguo bianjiang shidi ziliao congan. Lü Yiran, Ma Dazheng zhubian. Lanzhou, 1988).
- alba tegsitgesen dangs-a, 1962: *dörben ayimay-un alba tegsitgesen dangs-a*. Хэвлэлд бэлтгэгсэн Ц. Насанбалжир (Реестры, содержащие записи решений относительно уравнивания повинностей по четырем аймакам Халхи. Подготовил к изданию Ц. Насанбалжир) // Monumenta historica, T. IV. Fasc. 2. Улаанбаатар, 1962 (*dörben ayimay-un alba tegsitgesen dangs-a* // Monumenta historica. T. IV, fasc. 2. Ulaanbaatar, 1962).
- qauli jüyil-ün biçig, 1817: *Jarliy-iyar toytaγsan γadaγadu mongγol-un törö-yi jasaqu yabudal-un yamun-u qauli jüyil-ün biçig* (Высочайше утвержденное уложение Палаты, управляющей административными делами во Внешней Монголии). [Б. м.], 1817. Ксилограф // Восточный отдел Научной библиотеки им. А. М. Горького Санкт-Петербургского государственного университета. Фонд монгольских рукописей и ксилографов. Mong B-1 (*Jarliy-iyar toytaγsan γadaγadu mongγol-un törö-yi jasaqu yabudal-un yamun-u qauli jüyil-ün biçig*. 1817. Xylograph. The Scientific Library of St.-Petersburg State University.

- Oriental Dept. Collection of Mongolian Manuscripts and Xylographs. Mong B-1).
- qauli jüyil-ün bičig, 1826: *Jarliy-iyar toytaysan yadayadu mongyol-un törö-yi jasaqu yabudal-un yamun-u qauli jüyil-ün bičig* (Высочайше утвержденное уложение Палаты, управляющей административными делами во Внешней Монголии). [Б. м.], 1826. Ксилограф // Восточный отдел Научной библиотеки им. А. М. Горького Санкт-Петербургского государственного университета. Фонд монгольских рукописей и ксилографов. Mong B-2 (*Jarliy-iyar toytaysan yadayadu mongyol-un törö-yi jasaqu yabudal-un yamun-u qauli jüyil-ün bičig*. 1826. Xylograph. The Scientific Library of St.-Petersburg State University. Oriental Dept. Collection of Mongolian Manuscripts and Xylographs. Mong B-2).
- qauli jüyil-ün bičig, 1842: *Jarliy-iyar toytaysan yadayadu mongyol-un törö-yi jasaqu yabudal-un yamun-u qauli jüyil-ün bičig* (Высочайше утвержденное уложение Палаты, управляющей административными делами во Внешней Монголии). [Б. м.], 1842. Ксилограф // Восточный отдел Научной библиотеки им. А. М. Горького Санкт-Петербургского государственного университета. Фонд монгольских рукописей и ксилографов. Mong C-4 (*Jarliy-iyar toytaysan yadayadu mongyol-un törö-yi jasaqu yabudal-un yamun-u qauli jüyil-ün bičig*. 1842. Xylograph. The Scientific Library of St.-Petersburg State University. Oriental Dept. Collection of Mongolian Manuscripts and Xylographs. Mong C-4).
- qauli jüyil-ün bičig, 1989: *yadayatu mongyol-un törö-yi jasaqu yabudal-un yamun-u qauli jüyil-ün bičig* nayiralту altanorigil yaḡayayulju tayilburilyaba (Уложение Лифаньюань или Палаты, управляющей административными делами во Внешней Монголии / Издано под ред. Н. Алтаноргила). Хайлар, 1989 (*yadayatu mongyol-un törö-yi jasaqu yabudal-un yamun-u qauli jüyil-ün bičig* nayiralту altanorigil yaḡayayulju tayilburilyaba. Nayilar, 1989).
- sayisiyaltu irügeltü-yin yurbadyar on: [начало:] *sayisiyaltu irügeltü-yin yurbadyar on-dur...* (Без заглавия. Текст начинается словами: «В 3-м году правления под девизом Цзяцин...») Собрание рукописных копий монгольских официальных документов XIX в.). [Б. м., б. г.]. Рукопись. Отдел рукописей и документов Института восточных рукописей РАН (Санкт-Петербург). Монгольский фонд. F-223. Описание см.: [Пучковский, 1957. С. 175, 176]. ([the beginning:] *sayisiyaltu irügeltü-yin yurbadyar on-dur...* Collected copies of Mongolian official manuscripts dated from the XIX century. The Department of Manuscripts and Documents, St. Petersburg Institute of Oriental Manuscripts, Russian Academy of Sciences. Mongolian Collection. F-223).
- Tngri-yin tetgügsen-ü urbadu ar on: Tngri-yin tetgügsen-ü urbadu ar on-u ča da -a čereg-ün tusala či ba tüşimed: qoyar ja un čereg-ün kün-ü urban sar-a-yin adan-a ilegü sara-tai dürben sarayin čaling-un mönggö buda -a-yi ol a ulqu ergükü quwaming dangsa (Ведомость с указанием имен туслагчи, чиновников и двухсот караульных цириков на получение причитающихся им в порядке жалованья денег и пшена за три месяца и сверх того за еще один добавочный месяц, а всего за четыре месяца 53-го года правления императора Цяньлуна). Собрание копий монгольских официальных документов, датированных 1789 г. [Б. м., б. г.]. Рукопись. Отдел рукописей и документов Института восточных рукописей РАН (Санкт-Петербург). Монгольский фонд. F-403. Описание см.: [Пучковский, 1957. С. 178, 179] (Tngri-yin tetgügsen-ü urbadu ar on-u ča da -a čereg-ün tusala či ba tüşimed: qoyar ja un čereg-ün kün-ü urban sar-a-yin adan-a ilegü sara-tai dürben sarayin čaling-un mönggö buda -a-yi ol a ulqu ergükü quwaming dangsa. Collected copies of Mongolian official manuscripts dated from 1789. The Department of Manuscripts and Documents, St. Petersburg Institute of Oriental Manuscripts, Russian Academy of Sciences. Mongolian Collection. F-403).
- törö gereltü-yin jir u aduyar on: [начало:] *törö gereltü-yin jir u aduyar on...* (Без заглавия. Текст начинается словами: «В 6-м году правления под девизом Даогуан...») Собрание рукописных копий монгольских официальных документов). Б. м., 1826. Рукопись. Отдел рукописей и документов Института восточных рукописей РАН (Санкт-Петербург). Монгольский фонд. F-405. Описание см.: [Пучковский, 1957. С. 180]. ([the beginning:] *törö gereltü-yin jir u aduyar on...* Collected copies of Mongolian official manuscripts dated from the XIX century. The Department of Manuscripts and Documents, St. Petersburg Institute of Oriental Manuscripts, Russian Academy of Sciences. Mongolian Collection. F-405).

Использованная литература

- Гонгор, 1964: *Гонгор Д.* Ховдын хураангуй түүх (Краткая история города Кобдо) // *Studia historica*. Т. III, fasc. 10. Улаанбаатар, 1964 (*Gongor D.* Qobdyn quraangui tuukh. Ulaanbaatar, 1964).
- Насанбалжир, 1964: *Насанбалжир Ц.* Ар Монголоос Манж Чин улсад залгуулж байсан алба (Налог и повинности, установленные империей Цин в Северной Монголии). Улан-Батор, 1964 (*Nasanbaljir C.* Ar Mongoloos Manj Chin ulsad zalguulj baisan alba. Ulaanbaatar, 1964).
- Нацагдорж, 1963: *Нацагдорж Ш.* Манжийн эрхшээлд байсан үеийн Халхын хураангуй түүх. 1691—1911 (Краткая история Халхи в период маньчжурского господства). Улаанбаатар, 1963 (*Natsagdorj Sh.* Manjiyn erhsheeld bayisan ueiyn Qalqyn quraangui tuukh. Ulaanbaatar, 1963).
- Позднеев, 1880: *Позднеев А. М.* Города Северной Монголии. СПб., 1880 (*Pozdneev A. M.* Goroda Severnoy Mongolii. SPb., 1880).
- Позднеев 1883а: *Позднеев А. М.* Монгольская летопись «Эрдэнийн Эрихэ». Подлинный текст с переводом и пояснениями, заключающими в себе материалы для истории Халхи с 1636 г. по 1736 г. СПб., 1883 (*Pozdneev A. M.* Mongol'skaya letopis' «Erdeniyn erihe». Podlinnyi tekst s perevodom i poyasneniyami, zakliyuchayushimi w sebe istoriyu Qaiqi s 1636 g. po 1736 g. SPb., 1883).
- Попов, 1992: *Попов А. В.* Проблема собственности маньчжурских властей на земли казенных пашен в Халха-Монголии в XVIII—XIX вв. // *Источниковедение и историография истории стран Азии и Африки*. Вып. XIV. СПб.: Изд-во СПбГУ, 1992 (*Popov A. V.* Problema sobstvennosti manjurskih vlastei na zemli kazennyh

- pashen v Severnoi Mongolii // *Istocnikovedeniye i istoriografia istorii stran Azii i Afriki*. Вып. XIV. SPb., 1992).
- Попов, 1995: *Попов А. В.* Принципы организации цинского податного механизма в Северной Монголии в XVIII—XIX вв. // *Источниковедение и историография истории стран Азии и Африки: межвузовский сборник*. Вып. XV. СПб.: Изд-во СПбГУ, 1995 (*Popov A. V.* Printsipy organizatsii tsinskovo podatnovo mehanizma v Severnoi Mongolii v XVIII—XIX vv. // *Istocnikovedeniye i istoriografia istorii stran Azii i Afriki*. Вып. XV. SPb., 1995).
- Пучковский, 1957: *Пучковский Л. С.* Монгольские, бурят-монгольские и ойратские рукописи и ксилографы Института востоковедения. Т. I. История, право. Л., 1957 (*Puchkovskiy L. S.* Mongol'skiye buriyat-mongol'skiye i ойratskiye rukopisi i ksilografy Instituta vostokovedeniya. L., 1957).
- Содномдагва, 1961: *Содномдагва Ц.* Манжийн захиргаанд байсан үеийн Ар Монголын засаг захиргааны зохион байгуулалт (1691—1911) (Административное устройство Северной Монголии в период маньчжурского господства (1691—1911)). Улан-Батор, 1961 (*Sodnomdagva C.* Manjiin zakhirgaand bayisan ueiin Ar Mongolyn zasag zahirgaany zokhion baiguulalt (1691—1911). Ulaanbaatar, 1961).
- Шархуу, 1984: *Шархуу Ц.* Дөрвөн аймгийн засаг ноёдын товч шастир (Краткий свод родословных списков князей — правителей хошунов четырех аймаков Халхи) // *Mongoru Kenkü*. Vol. 7. Osaka, 1984 (*Sharkhuu Ts.* Dörvön ayimgiyn noyodyn товч shastyr // *Mongoru Kenkü*. Vol. 7. Osaka, 1984).

A. V. Popov

Mongolian official Document dated back from the XIX century about the Employees hired for a fee in the Qing state-owned Croplands

The object of research in this article is the Mongolian official letter of the XIX century, which represents some little known characteristics of the fiscal system established by the Qing Empire in the North (Halha) Mongolia. The authors of this letter describe the means which the Mongolian local authorities tried to find in order to reduce the fiscal burden that fell upon the population subordinate to them. Namely, instead of mobilizing their subjects to serve as cultivators of state military fields, the Mongolian princes and officials gave preference to shift the burden of carrying the public duties on the workers employed for a fee. The reviewed document has still not been subjected to any research, although it was published in 1898 by G. Ts. Tsybikov in the collection of the Mongolian official papers. This article presents a commented translation of the document on Russian and specifies the time when it was written.

Key words: North Mongolia, Russia, the Qing Empire, administrative system, public service, state-owned croplands, the fee paid to the workers hired to serve as cultivators of state military fields.